

Алексей Чурсин

*Культура в
упадке*

Алексей Чурсин

Культура в упадке

«Издательские решения»

Чурсин А.

Культура в упадке / А. Чурсин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744188-3

Книга основана на личном опыте автора. В ней отражены моменты формирования убеждений автора, его критика существующих положений вещей в современном обществе. Книга будет интересна людям любого возраста.

ISBN 978-5-44-744188-3

© Чурсин А.
© Издательские решения

Содержание

Разговор с военкоматом	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Культура в упадке

Алексей Чурсин

Каждый человек — это мир, с его добродетелями и пороками, гнусностью и благородством, многообразный. Уничтожая человека, мы уничтожаем мир.

© Алексей Чурсин, 2017

ISBN 978-5-4474-4188-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Разговор с военкоматом

Военкомат областного города. Обнесённое чёрным металлическим забором трёхэтажное здание с зарешечёнными окнами первого этажа. Очень отталкивающее внешне место, отчего-то напоминающее тюрьму. К сложившейся параллели наталкивает не поддающееся описанию внутреннее устойчивое нежелание приближаться к этому месту, а, уж, находиться в нём является действительной пыткой, вызванной непониманием причин, почему собственно я нахожусь здесь, и неизвестностью, чем же всё это закончится.

Изнутри военкомат выглядит менее отталкивающе, даже цивилизованно, но почему-то именно эта больничная опрятность, воспроизведённая как будто с целью успокоить посетителя, снять нервное напряжение и расположить к себе, настораживает ещё сильнее. Словно тебя ведут на плаху, а вместо эшафота красная ковровая дорожка, возводящая по мраморным ступеням. Только спокойнее не становится – вместо этого озадачивание, что что-то не то.

Чистый обитый плиткой пол, обновлённые пластиковым покрытием стены, навесной потолок. На верхних этажах картина не меняется, вот только лестница – связующая звенья конструкция – выдаёт облик заведения, всегда страждущего принять в свои сдавливающие объятия молодых пареньков, никогда не только не думающих об этих стенах, но и будто не ведающих о них. Вид лестницы пробуждает в памяти внешний облик военкомата, уже успевшего слегка затуманиться в сознании под действием внутреннего убранства помещений.

Нас интересует верхний этаж, где на всём протяжении уходящего вдаль коридора расположились неровными группами призывники, все вместе образующие внушительную массу желторотых юнцов, кои из которых смиренно молчат, сидя на мягких стульях, уставившись в пол; некоторые оживлённо перешёптываются; иные же нервно меряют шагами расстояния от одной стены коридора до противоположной.

Периодически перед ожидающими открываются двери, и мужской голос пронзительно кричит: «Следующий!» Далее кабинет проглатывает паренька, и через пару минут возвращается озадаченное лицо. Хоть и выбор не велик, ты почему-то судорожно гадаешь, что же ему сказали, что он так изменился. Но пока ты поглощён раздумьями о судьбе желторотика, тот же голос, уже из-за закрытой двери вновь, как заведённый механизм, настроенный на одну волну, разражается кличем: «Следующий!»

И есть что-то странное в этом голосе. Да, он мужской. Но каким бы строгим, громовым или грубым он ни был, ты угадываешь в нём молодецкие нотки. Минутная застопорённость в коридоре, и вот, дверь снова распаивается (именно распаивается, поскольку открывают и закрывают её робким движением только призывники и посетители, а работники, не церемонясь, гремят ей в возвратном и поступательном движениях) и на пороге показывается девятнадцати-двадцатилетний паренёк со словами: «Чего не проходим?» – и возвращается за стол, заваленный кучами справок, папок с делами и кипами прочих документов. Всего столов в кабинете два: за противоположным, точно так же захлапленным, сидит такой же студентик.

Стоит чуть-чуть подождать, а, к сожалению, ни к военкомату, ни к прочим социальным организациям, в которых ты теряешь половину своей жизни, слово «чуть» никак привязать не получается, и из соседних кабинетов покажутся ещё двое молодых людей, твоих примерных ровесников.

Вся эта молодёжь – дети тех работников военкомата, которые решили отмазать своих отпрысков не денежной мздой, а работой до определённого срока в стенах заведения, которое «законным» способом отнимает детей у родителей, дабы те стали орудием в руках вла-

сти и в любую секунду, не задумываясь, взяли за инструмент, сеющий смерть и разрушение, и пошли бы вершить волю правителей, попросту рабами.

И среди потока недобровольно пришедших молокососов сидел, ожидая своей участи, молодой человек, студент-пятикурсник, ещё не зрелая, но созревающая личность, умудрённая временем, используемым разумно, что доказывалось уже одним тем, что он пришёл сюда с определённой жизненной позицией, рассмотренной с многих ракурсов, не бездумной, а проработанной анализом чувств, мыслей, отношением к жизни и человеку.

Молодой человек, названный родителями именем Леонид, не в первый раз он здесь. Много воды утекло с тех пор, как радикально поменялось его отношение к военной службе, ещё больше с того времени, как впервые оказался в стенах военкомата. И сейчас он вспоминал тот день, когда ему вручили предписной билет, и в совсем ином свете теперь представлялась картина классного похода в военкомат с сопровождающим учителем.

Сейчас, когда образ службы с её обязательностью предстал в истинном свете, то посещение военкомата было сравнимо с загоном жертв холокоста в газовые камеры и печи. Тот же учитель, исполняющий свои обязанности, на самом деле не ведающий, что творит, как надзиратель лагеря, ответственный за доставку пленных к месту смерти, не соображающий, что вершит; те же дети, ученики, не имеющие понятия о месте назначения и что кроется за ним, как те евреи, недоумевающие, куда их ведут (разве способен человек вообразить, до какой низости и жестокости может пасть его собрат), с той лишь разницей, что одних вели на смерть земную, других – либо к вечному рабству, либо к клятвопреступлению; те же стены, с той разницей, что в одних освобождают от рабства, рабства телесного, уничтожая, а в других их производят, но производят умело, не принуждая под дулом пистолета, а внедряя в сознание идею о родине, служении на её благо, разобщённости с остальными нациями, грозя за несогласие тюрьмой и клеймя изменником.

Оглядываясь назад, Леонид, глубоко копая в душе и памяти, признавался, что никакой перемены во взглядах и не было, доброта всегда была свойственна его натуре; и чем откровеннее он признавался себе, тем отчётливее понимал, что то добро, чувствуемое, сознаваемое и прилагаемое им, пребывает в каждом из присутствующих. Он признавался, что недавнее его не желание, а предпочтение (при неизбежности службы) оказаться на флоте с той единственной причиной, что он, возможно, увидит заповедное море и иные края, родилось именно от незрелости мысли, развитию которой способствовало время, проведённое в университете и употреблённое на самообразование. Именно отсутствию этого фактора он приписывал готовность каждого из находящихся, кто далёк от оружия и клятв, отправляться в армию. С печалью в сердце он смотрел на только что выпустившихся школьников, самостоятельно не имеющих ни знаний, ни времени, ни повода задуматься над смыслом службы.

И в то же время он благодарил судьбу за то, что у него имелась возможность развиваться, за то, что у него к поступлению в университет отменили военную кафедру, о чём поначалу жалел, а теперь, имеясь она в ВУЗе, отказался бы от поступления туда. Благодарил и тяготился, нет, не знанием, а только обладанием им об устройстве общества, против которого вынужден пойти. А вынуждает ложь, окутавшая жизни миллиардов.

Ему всего лишь хочется жить по правде. И сейчас он понимает со всей полнотой ясности, что если поддастся страху, изменит себе, то навсегда, независимо от положения в обществе, какое бы ни занял, будет несчастен, утратит уважение к себе, и жизнь станет существованием, доживанием.

Миновали томительные часы раздумий и сомнений, вызванные неожиданно открывшейся правдой, в которые голова его разрывалась от нескончаемого громового потока мыслей, являвшимися ему непреложными истинами, умело сокрытыми искажениями извращённого человеческого разума, веками создававшего ложь, чтобы только стать выше остальных

в мире равных; и сердце смущалось и содрогалось от ещё не высказанного, но зреющего решения – непринятия идеи об обязательности и оправданности военной службы.

Теперь же сердце было спокойно, дыхание ровно, а ум чист и ясен. Обрывки доводов, служившие выражением собственного, свободного «я» и за которые донине он судорожно цеплялся, пытаясь дать чёткий, бескомпромиссный ответ, больше не кружились в ужасающем вихре. Взгляд его был светел, и хоть он и упирался в стык между плитками пола, в сознании запечатлелась вовсе не вязкая, клейкая, строительная смесь. Он поднимал из чертогов памяти тот самый миг, заставивший задуматься над пресловутым смыслом жизни, в результате чего круто поменялось его отношение не только к службе в вооружённых силах, но и к общественному укладу. По сути, признаваясь себе, он отдавал себе отчёт в том, что отношение его не могло поменяться, потому что никакого отношения, собственно, и не было – всего лишь повторение за взрослыми их слов и действий. На самом деле его отношение ещё формировалось, формировалось на основе определённых идей, отражённых в евангельских историях и их приложении в произведениях представителей русской и зарубежной классики. Прослеживая эпизод за эпизодом ту восьмимесячную часть жизни, в течение которой у него сложились, всё укрепляясь и укрепляясь, определённые убеждения, Леонид воссоздал картину, где обрисовалась вторая, после рождения, отправная точка жизненного пути.

Пройдёмся и мы, дорогой друг, лишь слегка задев по касательной, по отдельным страницам, уже ставшим его личной историей, жизни тех восьми месяцев, оказавшимися основополагающими в судьбе моего героя, Леонида.

Как и каждый ребёнок, должный быть любимым и желанным (что, к сожалению, не всегда встречается), Леонид рос в примерной семье, окружённый заботой и любовью, родительским теплом. Родители были законопослушными гражданами и добросовестно исполняли предписанное сверху, разумеется, далеко не всегда согласные с деятельностью правителей, что часто выражалось, когда дело касалось внутренних проблем страны, положения соотечественников.

И сейчас перед Леонидом, упреждая его размышления последних восьми месяцев, но явно указывающих, что те настроения, которыми наполнились его сердце и голова, вызваны были не только изучением трудов прозорливых писателей и общественных деятелей (они поддерживали его воззрения, которые он пока не мог выразить словами, помогли систематизировать, упорядочить благие намерения, мотивирующие его действия, от которых он испытывал удовлетворение и получал благодарность от тех, на кого эти действия были направлены, и сформировать убеждения, которыми он собирался руководствоваться в будущем), но что они с самого рождения неизменно сопутствовали на проходимой им, проторяемой лично им тропе жизни, почти бездумно, но явственно и негибаемо, под напором светлых, сердечных стремлений, всплыло детское воспоминание, впервые заставившее остановиться, отойти от утех мира детских представлений, его не тронутого до сей поры личного счастья и обратить внимание на то мир, другой, полный проблем и противоречий, криков и угроз, задуматься. И не найти ответа.

Помнится, в тот день в вечернем выпуске новостей президент напоминал о необходимости получения всеми военнослужащими квартир. В памяти рассеянным сигналом прозвучали кем-то сказанные слова о выходе военнослужащих на пенсию в сорок пять лет. И вот теперь пришло размышление. А состояло оно в следующем: «Раз что-то существует, значит, оно необходимо, а иначе, зачем?.. Если это что-то необходимо, значит, оно важно; если всё существующее важно, значит, всё это равно друг другу. Так если существует множество самых разных профессий, значит, каждая занимается тем, на что рассчитана, значит, она необходима и имеет такое же важное значение, как и другие профессии, предназначенные

для того или иного вида деятельности, а иначе, зачем?.. Тогда почему, раз каждая профессия одинаково важна для человека и относительно важна для той или иной сферы деятельности, наибольшее внимание и количество привилегий уделяется военной службе?»

Это сейчас, когда она раскрылась со всех сторон и как бы не защищал её человек, как бы и сам Леонид не выискивал в ней плюсы, чтобы, сопоставив их с минусами, быть объективным перед самим собой, положительного в службе не нашёл ничего. Ничего из того, чем так славится армия и гордятся ей те, кто является её частью, или те, кто использует её по назначению.

Зато уже в малом возрасте возникло непонимание того мира за пределами детских мечтаний, воображения; мира несвободного, следующего своим определённым законам, настолько определённым, насколько и переменчивым, свободного на словах – на деле же мира иерархии и неравенства, подчинения или наказания. И на вопрос: «Почему же так?» – следовал один и тот же непонятный ответ из незамысловатых слов: «Так надо. Армия важна. А как иначе?..» Никто не мог молоденькому уму объяснить, почему армия важнее медицины, образования, сельского хозяйства, строительства. Если бы мальчика спросили, какое дело самое важное, он бы без запинки отчитался: «Повар – он кормит людей; врач – он лечит людей; строитель – людям нужно где-то жить; ну, а время будет – можно и поучиться чему-нибудь». В то время как армия неизменно ассоциировалась с войной – неразделимые понятия – а война – это страдания. Обязательно и неумолимо.

Противоречие так и осталось тупиковым, безответным, отложенным. До поры до времени. До того самого момента, когда на горизонте замаячил неизбежный срок получения повестки. К тому моменту употреблённое на пользу (в этом он был абсолютно уверен) время студенчества сдобрило посаженные природой семена добродетели, изучением Евангелия и бессмертных трудов выдающихся умов писательства: Дефо, Гюго, Лондона, Достоевского, Толстого, Куприна, Оруэлла, Солженицына, Платонова...; и благородных сердец гуманистов: Мохандаса Ганди, Бертрانا Рассела, Александра Нилла, Мартина Лютера Кинга, Грегга Мортенсона. И сердце наполнилось радостью, вдохновением, уважением, благодарностью за то, что своими взглядами, намерениями и поступками задела дремавшие, но двигающие скелет и мышцы струны огромного мощного вместилища добродетели, природной чистоты и непорочности – человеческого сердца. И молниеносно вскрыли зубчатость, штыковость действительного устройства цивилизации и отношения людей в рамках такового устройства как к самим себе, так и к остальной природной составляющей мира.

Угнетающе подействовала реальность, вразрез идущая с тем, что провозглашалось в книгах как истина.

Он вспоминал, как с возвышенным одухотворённостью, описанной в книгах, сердцем желал стать похожим чувствами, мыслями, отношением на тех героев, от которых усвоил благонравие. В их созидательном мышлении, стойкости духа он подмечал тот героизм, который постоянно хотел нести в себе, неразрушающий героизм, подлинный.

И вот наступило время – и стало страшно. Дни неуклонно текли, приближая хмурое облако призыва, когда ты сам, по желанию, поднимаешься и протопоешь в стены, где каждому признанному годным мальчику, вручат листок с временем прихода в военкомат для последующего отбытия в часть. И ты добровольно идёшь туда, куда бы ни за что не пошёл, не придумай человек гнусного поприща и не признай его обязательным. Обязательным?! Зачем?! Для кого обязательно?! Для меня?! Мне это не нужно. Нужно! Тебе, дурачок, говорят, что нужно, значит, иди. Потом ещё спасибо скажешь, а то и останешься.

А между тем дважды было прочитано священное писание; дважды прочитано, но не пройдено. Однако что-то отложилось в голове, что-то разрослось, как только память предъявила отдельные, не связанные между собой картины-события прошлого, подтверждающие отдельные наставления сына человеческого

«А я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твою не клянись; потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или чёрным. Но да будет слово ваше: „да, да“; „нет, нет“; а что сверх этого, то от лукавого».

«Не клянись вовсе. Никому и ничем! Ибо это от лукавого». А у нас воспета клятва, окрашена в торжественные цвета праздничного ритуала доблести и чести. Славные понятия, но приложенные к войне и ассоциируемые с ней, с подвигом. И в большей степени это подвиг истребления, а не самопожертвования. Поклявшись, человек обязуется по собственному желанию всегда следовать тому, в чём клялся. Несмотря ни на что. Это высший договор, и отступление – такое же высшее нарушение – клятвопреступление.

Почему Иисус заповедал запрет? Не оттого ли, что клятва неразрывно связана с душой? Не оттого ли, что клятва – душа. Поклявшись кому-то, ты передаёшь душу, своё целое, часть совести, своей совести, в пользование другому, другим.

Леонид никогда не собирался никого убивать. Ни ударить, ни плюнуть, ни оскорбить, ни наказать – никогда! Никого! Поэтому и к службе имело место относительно нейтральное отношение, нежелательное из-за обязательности, но ни негативное. «Побегаю, постреляю в мишени и всё», – так казалось ему. О том, чтобы оставаться на контракт и дальше поглаживать автомат, и мысли не было. Нежелательная, но с которой можно примириться, перетерпеть, забава.

Но после прочитанных строк что-то защемило, что-то закололо, застучало, озноб по коже. Ещё не вполне осознавая пришедшее неожиданно (уже впоследствии он понял, что оно с рождения сидело в нём, сидит в каждом) открытие, Леонид бросился искать текст присяги, чтобы убедиться в том, что уже знал, в том, что инстинкт хотел опровергнуть. Так и есть – «клянусь». Дальнейшие слова о свободе и независимости доказывали, что всё не шутка. Произнести, не задумываясь над значением слов, и забыть не получится, ни теперь. Теперь есть основной текст христианской цивилизации, в лоне которой он был воспитан, определённая степень развития, позволяющая понять часть написанного, не отнестись халатно к прочитанному, и оно провозглашало, что клятва от лукавого. Лукавый, сатана, дьявол, чёрт, веельзевул – кто он – не важно. Важно, что это зло, это ложь. Списать безответственность на молодой возраст и свойственную ему ветреность, беглость мысли Леонид не мог. Он ясно видел начертанное и так же чётко осознавал, что истина здесь, в этих строках, в этих столбцах. А следовать истине, быть праведным – разве не для того человек живёт, ни для того рождает новых людей, своё потомство, преемников истины, наученных ей?

Но что получается: есть книга, всеми нахваленная, содержащая в себе понятия о некоем боге, о котором в том или ином случае постоянно упоминает человек, невольно вставляя в свои речи в качестве внешнего фона. Есть различные проповеди о любви, излагаемые устами почётных, облачённых в рясы старцев – слуг всё того же бога, крестящих младенцев, детей и взрослых, назидających терпимо и с добротой относиться друг к другу. И есть иной текст, ещё более чтимый в народе, но содержащий абсолютно противоположные слова, не несущий в себе никакого бога и имеющий, оказывается, больший вес и приложимость к жизни.

И вновь противоречие, выступившее из детства, более полное, разросшееся до планетарного масштаба: как можно веровать в бога и чтить лукавого? Как поколения наших родителей может восхищаться одновременно Толстым и Сталиным? Черчиллем и Ганди? Этими гигантами мысли и действия, поборников власти и добродетели. Учить тому же новые поколения. Буриданов осёл, мечущийся между восхвалением одних и почитанием других, вынужденный находиться в прострации от незнания, к кому примкнуть, когда в оба уха кричат одинаково звучащие дифирамбы, послушно кивающий и тем, кто говорит, что

необходимо направить нации на путь мира, и тем, кто утверждает об обязательности наращивания вооруженной мощи страны. А призывающие одни и те же.

Противоречие было ясно узнано. Противоречие цивилизации. Но внутри Леонида ничего не отклонилось в противную сторону. Напротив, он только укрепился в мысли, что и он может сыграть свою, пусть маленькую, но значительную (он верил в это) роль в деле правды.

С детства его нахваливали, называли молодцом и гордились тем, что он такой вежливый, ответственный, обязательный и приветливый ребёнок. Леонид не вполне понимал истоки подобного отношения к нему за, казалось бы, естественные вещи: помочь старушке донести тяжести, поздороваться с абсолютно не знакомой группой лиц, тем самым вызвав добрые улыбки у них, приехать в село к дедушке с бабушкой и усердно помогать им по хозяйству, поднять и вручить оброненное незнакомцу или незнакомке, позвонить своим городским старикам и справиться о здоровье – но чувствовал, что просто так, ничего положительного не делая, постоянно собирать похвалы просто невозможно. И волей-неволей приходилось принимать благодарности, а вместе с тем понимать, что есть в тебе нечто светлое, заставляющее окружающих одаривать тебя искренней улыбкой, пробуждающее в них слёзы признательности. И этот свет не просто набор каких-то сторон добродетели, само собой излучаемых, а некий потенциал, способный развиваться, если регулярно сдобривать его мыслями о прогрессе, благими намерениями, честными поступками, яркими мечтаниями, и принести полезные плоды.

Да и можно ли жить без цели? Без чувства предназначения? Должно же рождение быть чем-то оправданно... И Леонид жил с этим восприятием, жил, надеялся и ждал, когда, наконец, представится возможность или подвернётся повод совершить что-то значимое, доброе, такое, отчего бы и он получил удовлетворение. Он никогда не задумывался глубоко над вопросом, кем желает стать. Главное – быть полезным, и не просто слышать, что он занимается важным делом, от окружающих, а непосредственно чувствовать самому. Этого он желал всегда. Но никогда не ощущал полноты своей помощи: либо по причине того, что оказываемая им помощь оказывалась незначительной, либо потому что дело, требующее его участия, вовсе не было настолько необходимым, чтобы могло существенно улучшить чью-то жизнь.

И вот вызов. Вызов государства, которому надо противостоять, если всерьёз относишься к отражённому в священном тексте и принимаешь в своё сердце проповедуемого Христом бога. Желание обладать настолько широким сердцем, как Иисус Христос или Мохандас Ганди, получило возможность реализации.

От удручающего волнения Леонид пришёл в возбуждённое состояние. Живое представились озадаченные члены призывной комиссии, недоумевающие взгляды призывников, непонимание близких – всё разом поднялось перед глазами, застилая их от действительности, словно туман. Всё существо его пронзил страх – боязнь общественного мнения, осуждения. Извечная сила, живущая недовольством того, что выходит за пределы её понимания. Оно не живёт границами индивидуального мышления, а скованно рамками ментальности тех, кто управляет им. И оно настолько же сильно, насколько неповоротливо; и когда нужно его изменить, просто зажимают иными рамками. А поскольку разум этого массива стиснут, очень тяжело из него выйти здоровой мысли – сдавленный внешне сам, он невольно задерживает пророст благоразумия, не могущего жить узостью.

Такое благоразумие Леонид видел в себе, за него отчаянно цеплялся, пытаясь оторваться от гнёта правящего мировоззрения, безжизненного, не заглядывающего в будущее. И как бы не был силён страх стать осуждённым обществом, всю жизнь ощущаемое внутреннее добро, подкреплённое божественными проповедями и поддерживаемое биографиями реальных людей, положивших жизнь на алтарь правды и добродетели ради лучшего, достойного будущего всего человечества, подсказывало, что тревоги, охватившие юную душу, есть

не симптомы воспалённого рассудка, а отголосками нескончаемого стремления к правде, пронизывающими всё естество Леонида.

В возбуждении прошагиваясь по комнате, Леонид стал соображать о смысле армии. Что несёт она в себе? Нам заявляют, что армия обеспечивает мир, баланс относительного порядка. Но разве баланс мира не был бы более прочным, не будь армии вовсе с её средствами уничтожения? Если солдат несёт мир, то почему он до сих пор не наступил? Не пора бы? Ему было дано много времени. А спокойствия всё нет. Но по-прежнему господствует политика вооружения и воззрение, будто армия – гарант безопасности. Какое же странное существо человек: когда в мире порядок, он ищет повод нарушить равновесие и разобщиться с другими людьми, а когда это произошло, и вместо спокойствия наступил хаос, он старается объединиться, сплотиться и восстановить мир. Сизифов труд, сопровождающий человечество на всём его жизненном пути.

Но кто же ведёт войны? Кто является войной? Кто разрушает в секунду то, что восстанавливается годами, а может и вовсе не восстанавливается, если речь идёт о разбитом сердце, сломанной жизни, о человеке? Тот же человек, который становится армией. Стоит ли неопределённое будущее даже одной жизни? Перехода человеческой сущности в сущность дикарскую?

Задаваясь подобными вопросами, Леонид пришёл к убеждению, что нет такой цели, которая оправдала бы убийство. Цель не оправдывает средства.

Признав идею непричинения зла благотворной и спасительной, Леонид вышел из оцепеняющего действия страха и, воодушевлённый благим намерением, ставшим его девизом, не успев нарадоваться, уткнулся в другую стену – а что делать? Каков выход?

Он вполне осознавал, что его могут назвать предателем или отступником. Но таковым он будет выглядеть только в глазах этих людей. Если же он примет навязанную идеологию, ту, которую считает преступной, то станет клятвопреступником, потому что не сможет следовать ей в дальнейшем. Неприязнь возникнет из-за противоречия, в которое вступит мышление общества, уже порабощённое волей правительства, столкнувшись с его мировоззрением. Изначально в человеке присутствует свободная воля, руководящая его действиями. Эту волю он многократно подавляет, зачастую произвольно, из-за боязни осуждения, когда бездумно, полагаясь только на чужой интеллект, действует в той или иной ситуации. Таким образом, презирая его, человека, не согласного с общепринятой идеологией, противящегося ей, общество, уже порабощённое и не подозревающее об этом, будет пытаться подчинить его своей воле.

Тонушие всегда неосознанно хотят утопить спасающего. В этом случае, когда потакание общепризнанной идее переходит в осуждение изъявления субъективного мнения и пытаются подчинить его себе, речи о свободе не может быть. «Общественное мнение пытается навязать мне свою волю, волю, которую никак нельзя назвать свободной. Тем самым, общество, подчинённое государству, стремится бессознательно подчинить меня себе».

Раб, не ведая, что он раб, убеждает человека, как и он, рождённого свободным, в ярких красках описывая своё положение, что оно замечательно и необходимо и ему. Действенное рабство – которого не замечаешь.

И точно так же он твёрдо решил: «Пусть лучше я погибну, чем убью. Чужая смерть не прибавит мне радости и продлит не жизнь, а только существование. Рано или поздно мы все умрём. И что я оставлю после себя? Каково будет моё наследие? Человеколюбие или подерживание жестоких нравов прошлого? Не лучше ли пострадать, делая что-то из добрых побуждений, высоких представлений, чем всю жизнь жалеть, что не отважился сделать то, что считал нужным, нечто стоящее? Ведь, если не существует никаких определённых, общих для всех ценностей, то нет и смысла что-либо производить, раз всё обречено на разрушение. Если мораль всего лишь политическая условность, направляемая корыстными интересами,

то жалка человеческая жизнь. Нет морали – нет и справедливости. Нет и жизни – только существование, воспроизведение себе подобных и небытия. Только нравственность делает человека человеком. Лучше я умру в более раннем возрасте, но с чистой совестью, нежели проведу остаток жизни в унылом однообразии серых дней сожаления и раскаяния. Деньги приходят-уходят; имущество приобретается-продаётся; человек кочует с места на место – всё материально, а материя всегда обыденна и потому не способна принести полного удовлетворения, подлинного. Лишь временное утешение. Только нравственные ценности пребывают с человеком на протяжении всей жизни и остаются с ним до конца.

Принятие присяги будет означать отречение от исповедуемых принципов непричинения зла ради материальных богатств и жизни во имя недвижимости и прочего имущества».

В подобных мыслях он перенёсся в зал суда, где наделённый властью человек, облачённый в мантию судьи, и в овечьем парике сидел за высоким дубовым столом, с грациозной мягкостью расположив на его гладкой поверхности нежные ладони, ничего в жизни, кроме деревянного молоточка, не державшие, пальцы которых были украшены кольцами и перстнями с драгоценными камнями, словно пианист. Лицо, выражавшее строгость и презрение к подсудимому, сознание власти над ним, слегка смягчилось; голова чуть подёрнулась вперёд, и левая ладонь простёрлась, жестом дирижёра указывая, что подсудимый имеет слово. Ситуация напоминала средневековье.

Леонид произнёс:

– Меня назовут непатриотом, если я откажусь подчиниться воле правителя убивать тех, кого он заклеймит врагом. А я отвечу: разве ты, поклявшийся служить на благо своего народа, любишь его, отправляя на бойню по причине своих разногласий с правителем другой страны? И не говори, будто это в интересах народа, это угодно лично тебе! – Он помолчал, собираясь с духом, и закончил. – Ответь мне, ты, считающий себя выше остальных, разве рождён ты иным способом, нежели другие? И не обратишься в прах, подобно остальным?

Моментально взорвётся толпа – крики, рукоплескания, брань и плевки полетят в жертву. Судья, вскочив, забарабанит молотком, переломив его надвое и оставив вмятину на столе. И, возвысив голос над толпой разъярённых горожан трубно проорёт: «Виновен! Сжечь еретика!» Педантичные слуги правосудия невозмутимо подхватят под руки и под клич возмущения взбешённого скопища дикарей сопроводят вольнодумца на костёр.

Да, то время миновало, и сейчас людей уже не сжигают. Но казни существуют, массовая истерия и ослепление ненавистью, нетерпимостью, жажда крови по-прежнему присущи человеку в неменьшей степени. И, раз уродливые, гнойные симптомы остались, явствует, что ничего не изменилось в нравах. Организм всё так же страдает, медленно, но неуклончиво испытывая муки агонии, неминуемо ведущей к смерти, полной боли и слёз.

Размышления подобного рода ввели Леонида в состояние подавленности, из которого, несмотря на оказываемое наплывавшими реалиями давление, он не собирался выходить. Необходимо было дознаться, достучаться разумом до правоты сердечных колебаний, до природы человеческой души и принять её как вечную, неизменную истину.

Вновь водворился зал заседаний, но уже областного суда. Немного иное помещение, осовремененное, несколько другое облачение, совсем не те причёски – и только воззрения остались нетронутыми. Эволюция не коснулась их.

Леонид не терпел жалости к себе, презирал самолюбование и даже, находясь один в комнате, не мог допустить мысли видеть себя жертвой. Но важно было прочувствовать несостоятельность доводов, несправедливость господствующих идей, вызванных ошибочным, не любовным, а бессрочно-кредиторским, добытательским отношением к жизни.

И потому перед судьёй, присяжными, прокурором и прочим праздно шатающимся людом, ставшим целевой аудиторией, стоял не Леонид, а его ровесник – безликий и безымянный паренёк, не защищающийся, а отстаивающий свою правду, вложенную Леонидом.

– Можете делать со мной, что угодно, но в армию я не пойду. Более того, судиться с вами я так же не собираюсь, потому что не уважаю ни армию как учреждение, ни суды и всё, что в них творится. Мне не нужен адвокат, поскольку я не желаю защищаться изворотами в пробелах придуманных человеком законов. Цель, которую я ставлю перед собой, – попытаться поднять ваше сознание, воззвав к голосу совести. Я – человек со своими воззрениями, мечтами и надеждами и хочу поступать согласованно со своими представлениями о мире, а не так, как мне навяжут извне, да ещё под покровом заклеянной в торжественность лжи, бессовестной, которая оправдывает любое зло, если оно одобрено правителями или теми, кто возомнил себя ими. Потому для меня более приемлем вариант тюремного заключения, который я приму с чистой совестью, нежели службу тому, что считаю рабством, преступлением, злом. Но кабальная бюрократическая система штрафов не считается с мнением живого человека. – Потом, повернувшись к заплаканной матери, он добавил:

– Мама, я не сделал ничего плохого, я всего лишь против насилия, к которому принуждает меня государство. Я против убийства, и за нежелание служить злу и разрушению меня осуждают на тюремное заключение. Разве можно после этого утверждать, что государство заботится о своих гражданах, и ратовать за проводимую им политику. Мама, – произнёс он с дрожью в голосе, – тебе не в чем упрекнуть меня – я только хочу добра всем людям и мира без войны.

Сочувствие и сострадание вызвало мелькнувшее видение. Леонид почувствовал расположение к юноше, выражавшему его мысли. В его словах звучала та правда, которую во всей полноте способно различить только сердце. То немногое произнесённое подняло массу отдельных, словно пульс, состоящий из повторяемых ударений, позволяющих организму поддерживать существование, душевных откликов солидарности миролюбивому отношению мальчика и приверженности к справедливости, на выражение которых словами ушёл бы не один год. Но наряду с восхищением перед природной добротой, ставшей в созданных человеком условиях эталоном мужества, присутствовало равносильное чувство сожаления и скорби от понимания, что стремлению к идеалу неотступно сопутствуют страдания близких. И каким бы сильным ни было желание идти намеченной тропой, насколько бы верным не казался выбранный путь, ощущение неблагодарности перед любимым человеком невозможно игнорировать. Впитанные ласка, нежность, забота больно колют, сковывая и подвергая сомнению правильность суждений. Такова пламенная любовь родителей или преданной жены, неумолимая доводами рассудка, вполнину самоотверженная – вполнину эгоистичная.

Разрываясь между страхом перед ответственным шагом, намеренным, уже обязательно должным стать поступком, и сопряжёнными с ним возможными последствиями, Леонид вспомнил, что существует ещё один вариант. В университете, проходя положения военной службы, они лишь мельком коснулись дополнительного аспекта, предлагаемого государством в качестве замены армии – альтернативная гражданская служба.

Религиозной составляющей в его выборе не присутствовало; к народам, названными властями коренными, он так же не принадлежал. Но убеждения подходили под определённые составляющие термина.

И хоть АГС и освобождала от тюрьмы, страх не ушёл. Поскольку причиной его был вовсе не испуг при мысли о помещении в учреждение для заключённых под стражу, а неприемлимость общественного мнения и возможное осуждение с его стороны.

«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне». «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

Леонид оделся и отправился в военкомат. Спросив у женщины, сидящей на входе, с кем можно поговорить об альтернативной службе, призывник получил от вахтёрши неопределённые указания номера кабинета. Поднявшись на второй этаж и заглянув в комнату двадцать два, Леонид поинтересовался о возможности заменить военную службу на альтернативную.

В ответ ему недоумённо-неуверенно предложили подняться в тридцать второй кабинет, что прямо у них над головой. Минута, и Леонид возле двери. Робким движением он постучал, а затем дрожащими пальцами нажал на ручку и просунул голову.

– Здравствуйте, можно?

– Здравствуйте. Проходите.

За столом в одиночестве сидела девушка лет двадцати пяти. Эта неожиданность (Леонид предполагал застать какого-нибудь офицера) придала Леониду уверенность. Притворив дверь, он спокойно проследовал к столу.

– У меня вопрос, – начал он бойко, – я хотел бы заменить службу в армии альтернативной гражданской. К кому мне обратиться?

Девушка отпряла от писанины и поглядела косо.

– Почему?

– По убеждениям.

– Вы из «Свидетелей Иеговы?»

– Нет. – ответил Леонид, слегка улыбнувшись: «Как люди всё-таки подвластны предубеждениям».

Девушка, нисколько не смутившись, исполняя свой долг, продолжила.

– Тогда Вам следует написать заявление.

– Да? – обрадовался Леонид. – Так давайте, я прям сейчас и напишу.

– Это нужно оформить в печатном виде, дополнить автобиографией и... Вы учитесь, работаете?

– Учусь.

– ...и приложить характеристику с места учёбы.

– Ааа. – протянул Леонид осевшим голосом. – И есть какой-то образец заявления или можно самому написать?

– Образец есть в интернете. Введите «заявление на альтернативную гражданскую службу», и он выдаст Вам пример. Скопируйте его, обоснуйте причины и приносите нам.

– А у Вас нет образца?

– Нет.

– Ясно, спасибо. До свидания.

– До свидания.

Уже на улице его поразило неведение и неготовность работников военкомата к просьбам, подобным леонидовой. Конечно, он знал, что случаи замены воинской повинности гражданской редки, необычны, но думалось, раз существует закон, контролирующий деятельность военкомата, то он должен быть готов к тому, что призывник обратится с данным вопросом. На деле же получалось, далеко не все знают, что должно знать, и ничего конкретного дать не могут. Будто закон существует только на бумаге, где-то в уголке. Несмотря на это и на то, что лишний раз придётся сюда вернуться, Леонид был воодушевлён. Механизм запустился, движение начато – теперь будет легче.

Вернувшись домой, Леонид погрузился в сеть в поисках заявления. Провозившись минут тридцать, из которых Леонид вместо конкретного образца добыл лишь отдельные, индивидуальные по своему оформлению заявления, он понял, что дальнейшие поиски бесполезны. Слишком мало случаев. Приходилось работать с тем, что имелось. Сочинять.

Все заявления были короткими, и Леонид решил не разводить антимионию. К тому же от него не требовались объяснения, на исследование которых могла уйти вся жизнь, только причины. Он написал:

«Я имею убеждения, которым противоречит несение военной службы. Поскольку я считаю войну явлением аморальным, а наличие армии и политики вооружения необходимыми условиями существования войн, то не могу принимать участие во всеобщей воинской повинности. Точно так же считаю присягу средством подавления свободной воли человека, посягать на которую никто не вправе. Поэтому не хочу становиться частью механизма, направленного на уничтожение человечества. В связи с вышеизложенным, прошу направить меня на прохождение альтернативной гражданской службы, не связанной с военной сферой».

Так как сроков прохождения АГС устанавливалось два – как гласило постановление о ней – связанный с воинщиной и обособленный от неё с соответствующими один год и шесть месяцев и год и девять месяцев, то условия службы определялись, исходя из специализации. Факт, что избранный вариант АГС был продолжительнее, только подчёркивал не боязнь Леонида службы как таковой, а её непринятие по утвердившемуся у него мнению в пагубности не просто данной деятельности человека, а сфере жизни.

По вопросу о направленности службы сроком на год и девять месяцев, как, собственно, и на полтора года, ничего конкретного не указывалось. Слишком размыта специализация. Но Леонид не беспокоился – уверенность всё росла в нём, и он решил, что если род занятий, уготованный государством в противовес созданию из людей солдат, посчитается им приносящим вред, отказаться от его выполнения даже под угрозой тюремного заключения.

Спустя неделю Леонид вновь был принят девушкой из тридцать второго кабинета. Леонид вручил заявление. Автобиография и характеристика с университета прилагались. Девушка бегло осмотрела его на наличие всех обязательных частей, не углубляясь в написанное, – это было вызвано ценившимся в наше время, да, наверное, и во всякое иное, внешним видом чего угодно или кого угодно, но не внутренним содержанием, и банальным отсутствием какого-либо понятия, что должно быть отражено в документе.

– Подпишите и отдайте в двадцать второй кабинет для проставления печати.

– А потом опять к Вам?

– Зачем? – изумилась девушка? – Оставьте его там.

– Хорошо, спасибо, – Леонид отправился к выходу, – до свидания.

– До свидания.

Тридцать второй на неопределённое время ушёл в прошлое. Теперь встречал двадцать второй.

Леонид постучал и, не дожидаясь разрешения, вошёл. За столом с важным видом напускной занятости сидела та же женщина, что встречала Леонида в прошлый раз. На вид ей можно было дать не больше пятидесяти пяти и не меньше пятидесяти лет. Из темени, точно стог сена, поднимались башней волосы, того же цвета. Очки придавали суровый вид и без того серьёзному лицу. Но Леониду не было до мелочей никакого дела – он пришёл сюда со своим, заполнявшим его существо. Да и думать о человеке, опираясь на внешность, считал, по меньшей мере, не правильно.

– Здравствуйте, – поздоровался он, – у меня заявление об альтернативной гражданской службе, и мне сказали передать его Вам.

– Здравствуйте. Альтернативная гражданская служба? Это что такое? – с удивлением встала женщина.

– Служба взамен военной. – пояснил Леонид.

– Таак... И что мне с ним делать? – по-прежнему недоумевала она, тараща глаза.

– Поставить печать и передать его членам призывной комиссии на рассмотрение. В течение полугода они должны огласить вердикт.

– И кто Вам это сказал?

– Девушка из тридцать второго кабинета направила меня к Вам, а информацию о заявлении я взял в интернете.

– В интернете? – вскинула брови женщина и наклонила голову так, что стали видны её глаза из-под очков.

– Да. Мне сказали, что образца заявления в военкомате не имеется, и всё, что нужно, можно взять из интернета. Я посмотрел, почитал, приблизительно составил, и вот, оно у Вас.

– Ясно. Ну, что ж, давайте, я поставлю печать. – Открыв верхний ящик стола, женщина извлекла печать и неуверенным движением (сказывалась необычность в её практике случая) надавила на листок. – Так.

– Давайте, я сейчас подпишусь под ним. – Леонид одолжил лежавшую на столе шариковую ручку и вывел подпись.

– Поставьте номер, – добавила женщина, – сейчас посмотрю, – Она прошла к шкафу, где хранились многочисленные папки с делами. – Номер пятьсот шестьдесят пять.

– Прямо здесь, под печатью? – уточнил Леонид.

– На обратной стороне.

Леонид, сомневаясь, неловко нарисовал три цифры.

– Ага. Положу его к этим делам. – Взяв заявление, женщина, будто до сих пор не понимая, что происходит, подвинулась к шкафу и засунула листы в одну из папок с документами.

– Теперь всё? – спросил Леонид.

– Всё, – улыбнулась женщина.

Чуть помывшись, Леонид озабоченно (дело касалось его жизни) спросил:

– А не затеряется?

Лицо женщины мгновенно переменялось: из приветливо-добродушного сделалось каменным. Ни одной эмоции не выражалось на нём; улыбка исчезла, будто её и не было, и не понятно, как вообще она могла вырисоваться на таком гипсовом лице; голос из неуверенно-добраго трансформировался в утвердительно враждебный.

– Знаете, что?! Это Вам не базар, это военкомат! – гневно прозвучал ответ. – Всё! До свидания! – указала она кивком на дверь.

Всё произошло за какую-то долю секунды, Леонид не успел перестроиться, не был готов. Более того, задавая вопрос, он, решив поддержать доверительное отношение, установившееся между ними, обращался с улыбкой. А женщина, не глядя на него, уже возвращалась к столу с оскорблённым видом. Озадаченно, недоумевая, чем вызвана столь разительная перемена, Леонид промычал:

– Ладно... Извините... – и покинул кабинет.

«Странно было», – спускаясь по лестнице, думал Леонид, – «Какую гордость демонстрировала эта особа, выражая компетентность в возложенных на неё обязанностях и отстаивая честь военкомата, но при этом не имела абсолютно никакого понятия по поводу моего вопроса и что требуется для его решения конкретно от неё». Но Леониду не хотелось сейчас измышлять над психологией человека – он желал хоть на время освободиться от бремени возложенной государственной машиной ноши и удовлетвориться совершённым начинанием.

«По крайней мере, я сделал от меня зависящее».

Спустя три месяца раздался звонок по мобильному телефону. На экране мигал неизвестный номер. Отчего-то у Леонида задрожало в груди. За прошедшее с подачи заявления время звонков неизвестных абонентов накопилось изрядное количество, и от каждого такого

звонка Леонид ожидал вызов в военкомат. Но всё было не то: или кто-то ошибётся номером; или друг сменит старый; либо очередная, идущая тебе в убыток услуга от банка или оператора мобильной связи, страстно желающих улучшить жизнь клиента, описывая в ярких красках твоё будущее, если согласишься принять предложение. И каждый раз, когда выяснялось, что звонок не из военкомата, Леонида отпускало, возвращая к действительности без переживаний. С другой стороны, призыв приближался, точнее, уже шёл, а значит, скоро в списках появится и его имя. Но почему-то нежелательного напоминания всё не следовало; и данный факт озадачивал Леонида, заставляя натягиваться нервам и бродить мыслям в раздумьях о том, почему человека, обозначившего себя оригинальным символом, тем самым, как бы вышедшего из общего строя, до сих пор не беспокоят. «Не плюнули ли?» Должно же оно было как-то заинтересовать сотрудников – не рядовой случай – если, конечно, заявление не вылетело в трубу, чего так боялся Леонид. Боялся, и тем не менее пока не ясно представлял, как начнёт утверждать, что сделал, что от него зависело, а утеря – вина сотрудников. Здесь же мелькали слова возмущения от неосведомлённости работников военкомата о праве человека на замену службы на АГС, как и о существовании самой АГС.

Леонид нажал на кнопку принятия вызова, поднёс телефон к уху и ответил:

– Да.

– Леонид Сергеевич? – спросил молодой голос.

– Да.

– Это вас из военкомата беспокоят.

– Ага.

– Двадцать девятого числа, во вторник, к одиннадцати часам Вы должны явиться на медицинскую комиссию. С собой Вам надо взять паспорт и предписной билет.

– Хорошо. Только я оставлял заявление с просьбой заменить мне военную службу альтернативной гражданской. – уверенно отвечал Леонид.

Молчание. Очевидно, очередное лицо органа военного управления на той стороне телефона находится в ступоре. Прошло секунд пять, прежде чем развязный пацанский голос (именно развязный, настолько, что складывалось ощущение, будто разговаривающий перед звонком залил горлышко бутылкой горячительного) возобновил звуковую связь.

– Хорошо. Приходите, будем разбираться.

– Ясно, до свидания.

– До свидания.

«Значит, заявление никто не рассматривал. Возможно, даже не доставали, если вообще оно сохранилось», – перебирал догадки Леонид. Нет, он вовсе не считал, что председательствующие члены комиссии, словно львы на антилопу, набросятся на писанину какого-то мальчишки, проведут селекторное совещание и вынесут постановление, заранее его о том уведомив. Но внутренне надеялся, что о нём хотя бы узнают, взглянут, примут к сведению; а на комиссии вызовут, расспросят и решат.

Такого не случилось, что, в принципе, ожидалось от подобных организаций, вечно требующих чего-то от человека и не слышащих, когда уже к ним обращаются с вопросом. Они и не привыкли к такому.

Так или иначе, а идти приходилось. До встречи оставалось ещё три дня, а Леонид был весь, как на иголках. Представлял, о чём его будут спрашивать, что он будет отвечать. И отвечать следовало убедительно, не оставляя никаких недомолвок; так, что бы задающие после его ответа не могли найти не то что встречного вопроса, а даже обходного. Днями напролёт он загружал свой мозг только предстоящим следствием; ночами долго не мог уснуть, ворочаясь в волнообразно сменяющих друг друга видениях возможных вариантов, и к назначенному дню испытывал страшное психологическое утомление и чувство смятения.

По пути ему никак не удавалось отвлечься на чём-то окружающем, постороннем; отдельные слова витали в сознании, за которые тут же цеплялась мысль, пытаясь их развить в полемику. И всякий раз что-то новое, более убедительно перефразированное выходило из хаотичного блуждания частей речи. Внимание заострялось на кажущемся лучшем варианте довода, и мозг стремился сохранить выработанное неприкосновенным. Но двадцать шагов – и слова улетали, путались, изменяя довод до не узнаваемости, оставляя ответ неполноценным.

Леонид устал и постарался абстрагироваться от наваждения, воткнув в уши музыку. Вскоре (впервые так быстро) он стоял уже на третьем этаже. И сейчас здесь присутствовало полно народу – человек тридцать; и подходило ещё. Не то что в предыдущие оба раза, когда в призывном семестре обозначился перерыв: коридоры пустовали; в кабинетах тишина; некоторые закрыты; некоторые пусты. Зверь пребывал в спячке. Теперь он бодрствовал. Жужжанье, беготня, хлопанье дверьми.

Заняв очередь, оставалось ждать. Ждать бесконечно долго. Прошло, должно быть, часа полтора, когда очередь дошла до него. Он постучался и вошёл.

Оба стола были заняты – за ними восседали двое ребят. Леонид поздоровался и вручил паспорт с предписным тому, кто сидел справа.

– Скажите, я писал заявление по поводу альтернативной гражданской службы...

Очередная заминка.

– Кому Вы его передали? – поинтересовался парень с бакенбардами.

– В двадцать второй кабинет. Мне сказала девушка, здесь работающая.

– Понятно, Катя. Подождите, я сейчас схожу за ней. И вышел.

Минуты через две вошёл тот же парень в сопровождении названной Кати.

– А, это Вы! – поприветствовала она Леонида и стала копаться в папках с делами, переходя от полки к полке. – Как фамилия?

– Ивлев.

– Что-то не могу найти... Дим, выдай ему дело, пусть пройдёт медосмотр, чтобы время не тянуть; а я пока поищу заявление.

Дима извлёк из пузатой прозрачной папки бланки с Леонидом и указал ему направление на медицинское обследование.

– Кабинет тридцать.

– Хорошо. – И отправился по назначению.

В приёмной его встретила старушка-врач. Как оказалось, врачи в военкомате все преклонного возраста.

– Снимите верхнюю одежду, оставьте только футболку, носки (про трусы нечего было напоминать). Вас позовут.

Ивлев снял кроссовки и шорты – стоял май – и сел в ожидании на покрытую дерматином скамью. Через минуту дверь открылась, и ему разрешили пройти. Это было широкое помещение, разделённое перегородками на кабинеты, сообщающиеся длинным коридором. Эдакая анфилада. Включая приёмную, комнат было шесть. В каждом присутствовал врач, только в терапевтическом сидело двое. Весь осмотр занял не более пяти минут: быстро взвесившись на маятниковых весах, проверив слух, Леонид перебрался в соседнюю комнату, где безмятежно склонился над столом офтальмолог; тот, не дожидаясь окончания прочтения Ивлевым строчки слева-направо и справа-налево, остановил его фразой «довольно» и, вручив карту, отправил дальше по коридору к хирургу. Хирургом оказался мужчина с то ли уставшим, то ли измождённым, то ли заспанным – не поймёшь – лицом. Вяло, не глядя на посетителя, а уставившись в тетрадь, он спросил автоматом:

– Переломы, травмы, хирургические операции были?

– Нос ломали, на колене мениск...

Врач, не дослушав, вальяжно вписывал в графу «здоров». По-прежнему, не поворачивая головы, протянул карту рядом стоявшей женщине в халате из соседнего кабинета.

«И для чего вся эта показуха, – улыбался он, – медосмотры, где годным признают безногого или человека без одного лёгкого? – Леонид помнил случаи, когда годным признали мальчишку ростом в метр сорок, впоследствии комиссованного прямо с вокзала. Как не выслушали паренька, твердившего, что ему провели операцию, в ходе которой удалили часть лёгкого, считая его выдумщиком. – Отчётность. Мёртвые цифры важнее чувств. А врачи – лишние звенья, просиживающие часы жизни, не удовлетворённые своим поприщем, но вынужденные им заниматься, чтобы хоть какие-то деньги получать; звенья, создающие видимость качественного, всестороннего, правомерного порядка приведения подростка к службе при внутреннем безразличии всё к тому же подростку».

Одевшись, Леонид вернулся в подростковую толпу томящихся призывников.

В течение получаса Катя с охапкой медкарт вернулась в тридцать второй. К соседнему, тридцать первому, выстроилась дополнительная партия детей. На бордовой табличке золотилась надпись «Главврач». И слышно было, как мужчина, соответствующий указанному титулу кого-то распекал за стенкой. Он изъяснялся на понятном каждому русскому языку – на матерном. Но вовсе не обязательно было видеть главврача, чтобы понять, кого он из себя представлял, – акцент явно указывал на принадлежность к горным народам Кавказа. Особенно яркую окраску выговору придавало произношение матерных слов, что отчего-то приносило некую комичность положению.

Вскоре дверь отворилась, и из кабинета выбежал испуганный хлипкий юноша. В след ему суровый голос прокричал:

– И в следующий раз, чтоб такого не было! Ты меня понял? – негодуя пробасил вышедший в коридор врач.

Юношу на ходу обернулся и, трепля кудрями, замызганно кивнул. Невысокий кавказец с мыльной щетиной и волосами с проседью, убедившись, что он понят, повернул голову к близ стоящему пухлому, круглолицему, коротенькому парню с жиденькой бородкой сальных угольных волосиков и, презрительно взглянув, будто оказывая незаслуженную любезность, прорычал:

– Заходи. И дверь закрой! – грозно добавил армянин (почему-то Ивлеву показалось, что он армянского происхождения – так и будем к нему обращаться).

Парень зашёл, прихлопнув дверь. С этим гражданином подобной перебранки не стряслось – разговор шёл на спокойных, выдержанных тонах. Точнее, говорил только один врач. Мальчугана не было слышно, что порождало домыслы, будто он точно так же безоговорочно кивает.

– Значит, в следующую среду я поеду, отвезу. К этому дню ты должен всё обойти, подготовить и принести мне сюда же. Понял?

Ответа не последовало. Во всяком случае, в звуковой форме.

– Только не подведи, – продолжал, – а то всё бестолку, тебе ясно?

Снова молчание и приближающиеся шаги. Дверь открылась, и на пороге пухлый с армянином, положившим одну руку на плечо, а другой, сжатой в кулак с оттопыренным указательным пальцем, размахивающим перед носом.

– Только не забудь, не создавай проблем! – сурово напомнил он.

– Хорошо.

– Ну, давай. – Улыбнулся армянин и отправил парня, потом обернулся к следующему и, сохранив презрительные нотки, возвысил голос:

– Ты?

– Да. – Ответил очередной призывник из соседней очереди.

– Пошли. – С недовольным видом кивком пригласил его.

Леонид задумался над увиденным. Что это за доктор, вечно орущий, вечно недовольный и что-то требующий от посетителя. И ему придётся к нему направиться? Кажется, нет. Ведь те призываемые, толпящиеся перед его кабинетом, к тридцать второму не подходили, а напрямик с улицы направлялись к тридцать первому.

Но его размышления были прерваны вызовом его фамилии. Он зашёл в кабинет, и девушка, именуемая Катей, объяснила:

– Сейчас спуститесь в двадцать второй кабинет, и Вас вызовут.

– Без всего?

– Да, заявление мы пока не нашли, но Вам надо идти туда. Вас позовут.

Недоумевая, что происходит, мы делаем то, что нам скажут. Так и Леонид с лицом философа, выражающим усиленную задумчивость, спустился на второй этаж. Здесь было не так многолюдно – четверо молодцев и снующие сотрудники. Среди ожидающих (эти четверо тоже были направлены к двадцать второму) сидел рыжий парнишка – ровесник Леонида, Антон Рогов. Ещё подходя к кабинету, Леонид узнал его, а Рогов, всматриваясь в подходящего Ивлева, соорудил физиономию смеси улыбки и удивления.

– А ты чего тут забыл? – не дожидаясь, когда он поравняется с ним, издали приветствовал Рогов.

– Свою душу, – улыбаясь, отвечал Леонид, – здорово.

– Ну, привет! – пожали они друг другу руки. Они учились в одной школе в параллельных классах, и, когда после девятого класса половина учеников перевелась, а половина осталась, тех немногих объединили и дополнили учениками из соседних школ. В результате вместо трёх десятых классов образовалось два, и отношения между детьми стали теснее. На этой почве Ивлев и Рогов сблизились, сделались товарищами. Леонид присел.

– Ну, так чего ты здесь делаешь? – допытывался Антон. – Вот, уж, тебя я здесь никак не ожидал встретить.

– А что такое? – насторожился Ивлев.

– Ну, я-то считал тебя честным, и в школе тебя все нахваливали, а ты вот каким оказался! Как я, – добродушно смеялся Рогов.

– Я что-то не вполне понимаю. Меня отправили сюда по поводу моего заявления.

– Какого заявления? – посерьёзничал Антон.

– Об альтернативной гражданской службе.

– Хочешь в больницах за пациентами утки носить и сортиры драить? – Рогов не удивился известию о существовании замены.

– А что, будто в армии сортиры не чистят?

– Зачем тебе это? – не унимался Антон.

– Просто я против службы как таковой, – уклонился от ответа Леонид. Ему не хотелось раскрывать причины отказа, поскольку времени на разговор оставалось немного (соседи уже поочерёдно заходили в кабинет), а объясняться поверхностно не имело смысла. – Тебя какая нелёгкая сюда занесла? – в свою очередь задался вопросом Ивлев.

– Я здесь по особому случаю, – шутливо ответил Рогов, пальцем указывая на сумку между ног.

– Подожди, – Ивлев повернулся к нему и вполголоса добавил, – здесь платят?

Рогов кивнул.

– Ах, вот как, – Ивлев откинулся на спинку стула. – И ты поэтому удивился, увидев меня?

– Конечно, от тебя я взятки не ожидал.

– Спасибо, – благодарственно вымолвил Леонид, – и много?

– Ну... вообще двести шестьдесят, – сконфузился Антон, – но мне за сто шестьдесят.

– Во как. По знакомству? – уже безучастно спрашивал Леонид.

– Да, через третьих лиц.

Дверь открылась, выпуская последнего незнакомца, и Антон поднялся.

– Ладно, теперь я.

– Давай.

Леонид остался один, пережёвывая очередную порцию умственной пищи. Его ставила в тупик связь неизбежного вопроса о патриотизме, который будет задан, и откупом от фразы «отдать долг родине» тем же людям, которые станут его убеждать в святости службы и обязательстве каждого гражданина защищать свою страну с оружием в руках. Почему же, в таком случае, избитые доводы, уязвляющие нежелающего служить, окрашивающие его в пунцовый цвет стыда, тают при предъявлении раздутого конверта с деньгами? Почему вызывающие к патриотизму отбрасывают его при виде купюр? Почему тогда они попирают свою родину «зеленью»? А может, в этом нет ничего дурного? Ребята ведь тоже отдают долг, только буквальный – в двести шестьдесят тысяч. Видимо, во столько обходится обеднённый, иссыхающему от отсутствия денег государству содержание и обучение новобранца.

Появившийся на пороге Антон прервал его раздумья.

– Я всё! Теперь ты, альтернативщик, – шуткнул Рогов, – тебя подождать?

– Ой, Антох, я, наверное, до упора.

– Ну, смотри, я пойду покурю. Если быстро, то подожду.

– Хорошо, спасибо. Докуришь, а меня нет – иди, – улыбнулся Ивлев.

– Тогда прощаться не будем, – подмигнул Рогов и лёгкой, беззаботной походкой зашагал к лестнице.

Ивлев вошёл в уже знакомый кабинет – его встретила всё та же женщина, безоговорочно отправившая его восвояси в прошлый приход. Судя по всему, она его не запомнила, потому что приветливо указала ему на дверь, ведущую в смежную комнату. В прошлый раз Леонид не обратил внимания на стены. Теперь выяснилось, что и здесь кабинеты сообщаются напрямую, как помещения в пещере. Леонид прошёл в указываемую комнату, где за компьютерным столом, уткнувшись в монитор, сидел представительного вида мужчина в очках. Как позже выяснилось, это комиссар.

– Здравствуйте, – Ивлев остановился почти у самого выхода.

– Здравствуйте, фамилия? – не отрываясь от экрана, важно потребовал мужчина.

– Ивлев.

– Как? – очнулся комиссар, прильнув к монитору.

– Ивлев, – повторил Леонид.

Комиссар стал напряжённо семенить зенками в поисках озвученной фамилии. Решив избавить его от бестолкового дела, Леонид прекратил поиски комиссаром фамилии, пояснив:

– У меня заявление по поводу альтернативной гражданской службы.

– Ну, так пишите, – уже твёрдо, несколько грубо, заметив, что клиент из другой оперы, и вернувшись в состояние занятости, ответил комиссар.

– Я его уже написал, и меня отправили к Вам.

– Ко мне? – удивился военком.

– Да.

– За дверью подожди, – после минутного замешательства со вскинутыми бровями отрезал комиссар.

– Хорошо, – Леонид развернулся и вышел в коридор. Он не мог не отметить состояние растерянности в момент озвучивания фамилии и последующего вопроса, с которым он пришёл, когда ожидаемое комиссаром не сошлось с настоящим. Мысль вызвала улыбку на лице Ивлева, до того постоянно одетом в выражение сомнения и мечущего поиска. Он словно победил, выстоял в скоротечном сражении, и это не могло не радовать, не воодушевить.

Прождав около десяти минут, Леонид заметил спешащего в его сторону молодого человека, до этого им не виденного, с какими-то листами.

Поравнявшись с ним, юноша – ему можно было дать лет двадцать пять – зашёл в кабинет. Пробыв там какое-то время, он вышел и обратился к Леониду:

– Ивлев?

– Да.

– Пойдём со мной. Нашли мы твоё заявление.

Леонид встал и двинулся вслед за ним. Вместе они поднялись на третий этаж и, дойдя до тридцать второго кабинета, молодой сотрудник произнёс:

– Посиди.

Леонид не стал садиться, а решил размять члены, томясь в очередном ожидании. За время его отсутствия ничего не поменялось в количестве призывников. Такие же утомлённые, как и он, разбрелись по коридору. Прошагиваясь вдоль стен, Леонид бегал взглядом по развешанным во весь этаж стендам с отображёнными на них различного рода учениями, фрагментами парадов и фотографиями с присяги, сопровождавшимися высоким красноречием о важности, святости и необходимости службы. На одном из них солдатик, с высоко поднятой головой и крепко сжимавшими автомат руками, вынужденный моментом съёмки, с серьёзностью, граничащей со строгостью, смотрел на Леонида. Под фотографией гордо гласила надпись, ставшая девизом: «Есть такая профессия – родину защищать».

Ивлев с сочувствием посмотрел в глаза десантнику, будто он обращался непосредственно к нему, и полушёпотом ответил:

– Гораздо лучше сделалось всем, если бы существовала профессия на родину не нападать. Поразмыслив над только что сказанным, Леонид решил углубиться в смысл произнесённого. К тому же нерасторопность сотрудников и организации позволяла этим заняться. Он приступил.

«Солдат должен родину защищать. От кого? Если цель создания армии – обеспечение безопасности мира, и все страны именно для этой цели вооружаются, формируют батальоны солдат и офицеров – такой порыв просто не может не вызвать восхищения – создаётся мир, где все народности, ведомые гуманистическими настроениями, достигли поставленной цели. Солдат есть – можно ни о чём не тревожиться. От кого же придумана подобная защита? Никого в мире, кроме нас, людей, нет. От кого мы обезопасились, движимые заботой о человеке? Нужен ли солдат человечеству, раз нет недоверия? Конечно же, не нужен. Почему он существует? Выходит, для существования солдата, для поддержания его святого дела – установления мира, которое важно и должно исполнять, просто необходимо, чтобы были те, кто нападал бы на родину. И кто на это способен? Только чувствующие своё превосходство, подкреплённое наличием физической силы, люди. Те же солдаты. Бездумные ведомые. Кто их производит? Те, кто алчет владеть всем. Пока мы твердим, что армия необходима, кто бы что ни говорил, к чему бы ни призывал, что бы ни делал, по-прежнему будут существовать войны, жертвы, ненависть и горе. Поскольку мы занимаемся самообманом. Поскольку мы считаем, что разделённый на государства мир непреложен и не может быть иным, единым, сохранение и поддержание государственности так и останутся ценнее человеческой жизни».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.